

В период метки приказы Альфы не подлежат сопротивлению.

Ло Ханьян вот так, сама толком ничего не соображая, увязалась за ней, и лишь теперь её разгоряченная голова начала постепенно остывать.

Поддавшись указаниям сотрудника, они прошли в самое дальнее элитное VIP-пространство: здесь была превосходная звукоизоляция и полная приватность, никто посторонний не смог бы пройти мимо.

Проводивший их сотрудник с дежурной улыбкой удалился, и в комнате остались только они вдвоём.

Это уединённое помещение, где они находились один на один, пробудило в памяти Ло Ханьян не самые приятные воспоминания.

Глядя на высокую спинку Альфы перед собой, она почувствовала, как её колени слегка подкосились.

Сы Тинъюэ опустилась на мягкий кожаный диван и заметила, как Ло Ханьян мелкими шажками просеменила мимо неё, а затем устроилась на самом другом конце того же самого дивана.

Между ними оставалось расстояние почти в целый диван, и в глубине души Сы Тинъюэ тихо вздохнула.

Она задала другой вопрос:

— Устаёшь на работе?

— Из-за... соглашения? — сухо ответила Ло Ханьян. — Я всё подпишу прямо сейчас, не волнуйтесь, я не стану сбегать.

Услышав слова Сы Тинъюэ, она заставила себя взять себя в руки и принялась соображать своим уже не совсем чётко соображающим крошечным узелком мыслей.

Уловив этот знакомый запах, Ло Ханьян почувствовала, будто её легонько поцарапали изнутри, и кончик её сердца затрепетал.

Сы Тинъюэ незаметно подвинулась влево и произнесла:

— Выходить и правда пришлось в спешке, я собиралась навестить тебя.

Сы Тинъюэ опустила взгляд и протянула руку к собственному затылку, пытаясь нащупать то самое место на шее — под пальцами обнаружилась лишь гладкая кожа. Никакого блокатора феромонов.

В период метки столь нежные феромоны Альфы служат лучшим успокоительным средством, способным подарить любому окормляемому Омеге безмятежность и умиротворение, словно тот погрузился в теплую, идеально согретую водную ванну.

Голова Ло Ханьян была забита ароматом агарового дерева, и она совершенно не замечала, что сидевшая рядом женщина уже больше чем наполовину сократила расстояние между ними, продолжая оставаться в полном замешательстве.

Сы Тинъюэ была вынуждена вступить в период уязвимости совсем недавно, и если бы в это время она не обеспечила должную изоляцию железы, существовала большая вероятность утечки феромонов.

— Угу, — замаявшись, промычала Ло Ханьян, — я наклеила его ещё вчера вечером.

— Блокатор феромонов наклеен? — снова спросила Сы Тинъюэ.

— Дело не в этом.

Аромат, подобно проворной бабочке, знакомым путём проскользнул в рукав и воротник Ло Ханьян, а затем принялся медленно карабкаться вверх, пытаясь коснуться её влажных, сияющих губ.

— Не устаю, — честно ответила Ло Ханьян.

— Хорошо.

Во взгляде Сы Тинъюэ мелькнула лёгкая улыбка — это были те самые слова, которые она велела передать, когда провожала её домой, и маленькая кошечка исполнила всё в точности, слово в слово.

Стоило Ло Ханьян услышать об этом, как она участливо поинтересовалась:

— Как же можно было забыть о столь важной вещи? Даже если уходишь в спешке, всё равно нельзя забывать про блокатор феромонов.

Сы Тинъюэ тихонько усмехнулась: она слышала, что забота Ло Ханьян исходит из самого чистого сердца. Маленькая кошечка всегда была именно такой — абсолютно лишённой какой-либо защиты перед людьми, донельзя наивной.

Она произнесла:

— Прошлой вестью подвернулась срочная работа, я так устала, что заснула прямо за рабочим столом, а когда проснулась, немного кружилась голова, вот и ушла из дома, забыв наклеить блокатор.

Она подняла руку и смахнула все распущенные длинные волосы на правое плечо — из-за этого железа Альфы полностью обнажилась.

Помолчав с мгновение, Сы Тинъюэ неторопливо продолжила:

— Сегодня я пришла к тебе специально.

Вслед за этим движением слабый запах агарового дерева медленно вырвался наружу, наполняя воздух чистым и утончённым благоуханием.

Пришла к тебе.

К тебе.

Ло Ханьян мгновенно пришла в себя больше чем наполовину.

Если бы не последовавшее за этим преобразование Сы Тинъюэ, которая вдруг стала вести себя с

ней учтиво и вежливо, Ло Ханьян почти забыла бы о первоначальной цели женщины. Сы Тиньюэ интересуется ею исключительно как кошечкой, и не более того.

Примчаться к ней сегодня так нетерпеливо она хотела лишь для того, чтобы побыстрее своими глазами увидеть ее кошачьи ушки и хвостик.

Ло Ханьян помрачнела, отвела взгляд и посмотрела на стеклянный журнальный столик посреди комнаты.

Сы Тиньюэ уже придвинулась вплоть к Ло Ханьян, не сводя с ее лица глаз. Она видела, как выражение на лице Ло Ханьян сменялось с затуманенного на ясное, а под конец — на полное разочарование.

Она вздохнула и назвала заранее заготовленную отговорку:

— Я чувствую, что мои феромоны нестабильны, поэтому мне нужна твоя помощь.

Услышав такую причину, Ло Ханьян ответила:

— Хорошо.

На ее лице проступил легкий румянец: оказывается, генеральный директор Сы приехала сюда именно за помощью, а вовсе не из-за тех глупостей, что она только что себе напридумывала.

Впрочем, всё так. Как ни крути, а Сы Тиньюэ занимает высокий пост генерального директора целой компании, работы у нее невпроворот, и даже если она испытывает к ней интерес, у нее нет времени вертеться волчком только вокруг нее одной.

Ло Ханьян знала: если Альфа в период гона метит Омегу, у нее неизбежно возникает сильнейшее чувство собственника по отношению к своему партнеру, вплоть до потребности в чужих феромонах, чтобы успокоить собственные бушующие и нестабильные эмоции.

Сейчас было именно так.

Сы Тиньюэ сдерживалась, чтобы не провести языком по своим острым клыкам, и вновь против собственной воли покосилась на затылок Ло Ханьян — там виднелся тонкий бумажный прямоугольник.

Это был мешающийся блокатор феромонов.

Сы Тиньюэ ощутила, как в глубине ее души поднимается жестокий, бурный порыв: содрать эту наклейку, а затем слизывать и искусать эту мягкую плоть, заставив Ло Ханьян окончательно покориться ей. Если в обычное время её жажда по отношению к Ло Ханьян и так составляла сто процентов, то в период метки её переполняющее, исступленное чувство собственности, пожалуй, могло взлететь до тысячи или даже десяти тысяч.

Сы Тиньюэ жадно думала о том, что кошечка так легко поддается обману — стоит лишь поманить пальцем, как она глупенько следует за ней, — так почему бы ей не позволить себе расслабиться хоть раз и вновь не вкусить сладкий мятный аромат, принадлежащий только этой кошечке.

Ло Ханьян без колебаний сорвала свой блокатор феромонов, полностью обнажив слегка

припухшую железу.

Её руки на мгновение замерли, уловив смутное ощущение опаляюще-горячего взгляда. Подняв голову, она обнаружила, что Сы Тинъюэ по-прежнему выглядит невозмутимой и спокойной.

Вот только неизвестно, когда это та успела придвинуться к ней так близко.

Ло Ханьян не стала размышлять над этим. Сейчас ей требовалось успокоить альфу, оставившую на ней метку, поэтому она мягко выпустила собственные феромоны.

В тот же миг едва уловимый мятный аромат, словно отыскав какое-то сокровище, радостно ринулся в воздух навстречу давно витавшему там и рассеявшемуся запаху агарового дерева.

Спустя всего день оба аромата вновь слились воедино, став еще более густыми, насыщенными и благоухающими, а комната наполнилась приторно-сладким запахом.

Постепенно сладость становилась все сильнее.

На прядках волос у Ло Ханьян на лбу выступила мелкая испарина — воздух казался до того сладким, что от каждого вдоха, казалось, можно было пойти ко дну.

Ей показалось, что что-то не так.

Они ведь просто вежливо выделили немного феромонов для простого сеанса успокоения, с чего бы этому становиться таким жарким и исступленным?

Ло Ханьян затуманенным взором посмотрела на сидящую перед ней девушку.

Сама она сидела, прислонившись спиной к самому углу дивана, а Сы Тинъюэ, приблизившись, практически полностью нависла над ней.

Оказавшись прижатой снизу, Ло Ханьян начала дышать все чаще и тяжелее.

<http://bllate.org/book/21471/2197041>